

ПРОФИЛЬ АРТИСТА

Олег ЕФРЕМОВ,
народный артист СССР

ОТ ОБРАЗА— К СЕБЕ

Репетируют Олег ЕФРЕМОВ и Евгений Евстигнеев.

Фото К. КОКОШКИНА

ОН АРТИСТ. Большой русский советский артист. Без сомнения, один из лидеров отечественного театрального искусства.

Из старинного Горького—Нижнего Новгорода, где в театральной школе училище состоялось его первое знакомство с будущим, где началась судьба, затем из другого старинного города—Владимира, на сцене театра которого молодой Евстигнеев начинал первые витки профессиональной «раскрутки», он пришел в школу-студию МХАТа отнюдь не потому, что его манила Москва. Понимая, что в какой-то мере исчерпал себя, он стремился к качественному обновлению профессии.

И все-таки лучшее в себе, актере, он принес из своей молодости, из провинции, нашей прекрасной провинции, такой богатой на таланты.

Этим лучшим было и остается одно: его безоглядая, я бы сказал, беспощадная любовь к делу, способность вызвать образ, заполнить кожу плоть и горячей кровью этого конкретного, созданного воображением образа; его, Евстигнеева, фантазия, уходящая едва ли не в запредельность... И плюс — удивительная наблюдательность, которая является одним из главных богатств Евгения Александровича.

Именно эти, природой испосланные ему дары и помогли Евстигнееву не просто утвердиться на театре, но стать неповторимым. И не только в театре.

Для меня, работающего с ним более тридцати лет, прекрасными и незабываемыми всегда были и остаются на репетициях его импровизации. Впервые их выдающему эти чарующие душу минуты могут показаться нагромождением каких-то случайностей быта, характера. Но я хорошо знаю, что это не так. Идя в каждой частности к идеалу, Евстигнеев не просто стремится к конкретности в непосредственном ее проявлении, он собирает цельный характер, зорко при этом угадывая и, как говорится, зажимая в кулак то главное, значительное, ради чего, собственно, и возмолится вся эта сложнейшая конструкция, называемая образом. Художественным образом. Потому что действительность представляет для него — актера! — чрезвычайный интерес. Он «зажимает в кулак» то, что социально, а часто и исторически попадает в болевую точку явления. Искусство — это всегда пусть художественная, но акция, атака. Евстигнеев атакует очень вовремя. И всеми «родами войск» — от немой сцены до фантазмагорически яркой пластики, от знойного душевного затихья до по-шекспировски буйного взрыва.

В том, как он работает над

ролью, как собирает образ, Евгений Александрович наследует и развивает в Художественном театре традиции мастеров — ими были Михаил Александрович Чехов, Николай Павлович Хмелев, Михаил Михайлович Тарханов... Суть наследования и развития традиций — в высочайшей мере остроты взгляда. Чем острее видит Евстигнеев свое будущее создание, тем богаче палитра его красок, тем ярче его изобразительная фактура.

Работа начинается у него с того, что он должен представить себе будущий образ. Сразу. Пусть пока в общих, но уже более-менее различных чертах. Потом будет углубление в конкретность, поиск и оправдание того, что подсказало ему воображение.

И вот тут мне хочется привести Евгения Александровича в пример некоторым из его молодых коллег, которые, едва поступив в театр, рассуждают примерно так: я молод, органичен, обаятелен, вы, товарищ режиссер, как говорится, и «ешьте» меня таким, какой я есть. Разве, мол, вам этого мало? Получили хороший материал — работайте с ним. Дальше — хуже: сначала имея этот минимум (молодость, обаяние, органику), начинающий свою жизнь в театре актер часто не испытывает угрызенный совети, предлагая себя в таком упрощенном, что ли, качестве и зрителю, совершенно не думая о том, что зритель идет в театр затем, чтобы насладиться моментом творчества актера, соприкоснуться с настоящим, подлинным искусством. Это элементарная лень, нежелание трудиться, тратить себя. А, собственно, зачем тогда было выбирать профессию, в которой невозможно «просто пребывать», невозможно чего-либо добиться, не тротя силы, нервы и т. д.?

Молодость проходит, обаяние без духовного питания души, ума и сердца — тоже... И что же остается? Множество выходов на сцену, во время которых никак и ни о чем не сказано людям? Надо же что-то принести в свою зрелость, с какими-то накоплениями продолжать путь.

Евстигнеев не просто мастер, он прежде всего великий труженик в искусстве, настойчивый подвижник. Он потому и достиг многого в театре (и кинематографе), что его талант постоянно шлифовался и шлифуется поиском. В своей работе он никогда не идет от себя к образу, только от образа к себе. И именно это обещает неповторимость, именно это роднит искусство Евстигнеева с искусством мастеров, которых я называл. Иными словами, главное в его работе — это глубочайший реализм с обязательной поправкой на художественную выразительность образа. Свидетельствую: ни в одной из сыгранных им ролей я не уз-

нал хорошо мне знакомого человека по фамилии Евстигнеев. Причем — и это очень характерно для искусства Евгения Александровича — порой буквально единственная найденная им деталь для характеристики героя может создать совершенную оригинальность, неповторимость этого героя. Неважно, внешне ли это или нечто идущее из его душевной глубины. И тут я вновь напомним об удивительной наблюдательности артиста. Можно было бы привести десятки примеров того, как именно этот его дар становился началом неповторимости будущего персонажа. Но я ограничусь двумя-тремя примерами, которые особенно запомнились.

В свое время много говорили о походе его профессора Плейшнера в телефильме Т. Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Сам Евгений Александрович как-то заметил, что эта походка появилась задолго до того, как был произнесен перед кинокамерой первый текст роли: свою знаменитую походку профессор Плейшнер—Евстигнеев позаимствовал у одного старого москвича, который, куда-то торопясь в дождливый день, очень забавно перепрыгивал через лужи...

Зрители первых лет Московского театра «Современник» помнят, как замечательно играл Евстигнеев Глухаря в спектакле «Два цвета». Но даже не все актеры труппы знали, как долго и мучительно искал Евгений Александрович для своего героя эту самую недостающую деталь, что неожиданно должна была обнажить подлинную суть Глухаря. Как-то зашел он в ту пору ко мне домой — грустный, почти злой.

— Не вижу, не нахожу, не пойму! Чего-то нет — и нет Глухаря!

Мы сидели часа два и никак не могли ничего найти или придумать. Неожиданно в комнату вошла моя дочь, которой было тогда два с половиной. В комнате тихо звучала джазовая музыка, и девочка стала что-то вытанцовывать. Движения ее были какими-то замысловатыми, необычными, старание — очень забавным. Думая о чем-то своем, Евстигнеев какое-то время смотрел на нее, и вдруг лицо его буквально преобразилось, он вскочил со стула, подбежал к девочке и, радостно смеясь, признался:

— Ах ты, умница! А потанцуйка еще немного!

Польщенный похвалой, ребенок стал еще больше «изобретать» свой танец, стараясь изо всех сил.

— Ты видишь, видишь... — тихо, но горячо зашептал Евстигнеев. — Вот оно, то, чего не доставало!..

Я, признаться, не сразу понял, о чем он говорит. Подумал: что нашел он в наивном и забавно нелепом танце ребенка для Глу-

харя? Но он нашел, увидел, понял! Его поразило несоответствие музыки и — возраста и пластики танцующего ребенка. Несоответствие, напоминающее нелепость. И в этом он увидел что-то очень важное, так недостающее в до сих пор не замкнутой цепи объяснений образа Глухаря. Тех из зрителей, кто видел спектакль «Два цвета», поразило в нем танец евстигнеевского героя, об этом танце писали едва ли не во всех рецензиях.

И таких примеров, повторяю, можно было бы привести немало. Тот же Хромов из «Сталеваров»... Этот — явно из запасников памяти Евгения Александровича. Не увидел ли он впервые своего героя в далеком сорок первом, когда 15-летним пришел на горьковский завод, где стал работать слесарем? То есть не буквально увидел, но возникла и осталась память, возникло и утвердилось в душе понимание сути рабочего человека... Плюс, естественно, художественный домысел артиста.

Попробуйте сравнить Хромова с Глухарем или администратора Чернова из «Вечно живых» с Иваном Адамычем в «Старом Новом году», директора пионерского лагеря в фильме «Добро пожаловать...», с героями Евстигнеева в бульгаковском «Беге» или в «Стариках-разбойниках» — и вы попадете в лабиринт чудес, из которого нет выхода. В поисках этого выхода вы каждый раз будете сталкиваться с загадкой артиста Евстигнеева, дивясь, поражаясь масштабу его дарования.

Да, он большой артист! Не только по дарованию, но и по складу души, характера. Он создан так, что должен, что-то увидев, непременно и сразу показать это другим. Душевная щедрость. Еще больше, пожалуй, душевная молодость. Потому молодым легко с ним. И ему легко с молодыми. Он преподает в школе-студии МХАТа, и я думаю, что эта работа приносит ему большую радость и удовлетворение, потому что позволяет на уроках со студентами еще и еще раз пройти через самое дорогое в его актерской жизни — буйство красок, фантазии, импровизации. На его уроки студенты идут, как на праздник, на котором их непременно ожидают открытия.

Как-то он сказал о том, что не может играть роль в стихах. Подумалось: не от лукавого ли такое признание? Совершенно убежден, что Евгению Александровичу доступны крупнейшие роли классического репертуара. Он на пути к высшим достижениям в искусстве актера. В нем (при том, как много Евстигнеев создал в театре и кинематографе) осталось больше, чем он отдал.

Французский живописец-романтик Эжен Делакруа однажды заметил, что в молодом даровании есть что-то наивное и сме-

лое, напоминающее прелесть детства и его счастливое равнодушие к условностям, тяготеющим над людьми зрелого возраста. Так вот, Евстигнеев не принадлежит к тем, над которыми тяготит условности. Более того — и это прекрасно! — он, пришедший в искусство почти сорок лет назад, удостоенный самого высокого актерского звания, ставший профессором театрального вуза, продолжает дерзкий поиск в творчестве, рискуя уже достигнутыми в прошлом своими актерскими завоеваниями. Это ли не признак человеческой смелости и мощной художественной силы, художественного, если можно так сказать, запаса прочности?

...Его отец был рабочим, обладал хорошим басом и в свободное время пел в хоре. Старший брат Сергей играл в знаменитой «Синей блузе». Сам Евгений Александрович в юности был ударником в самодеятельном оркестре, выступал в спектаклях любительского кружка. Естественно, все это подготавливало в нем какие-то смутные желания, душевные волнения, которые и предопределили выбор будущего. Страсть, это удивительное состояние души, бросила его в объятия навсегда любимого дела. Сцена очаровала его своей тайной, которую, видимо, никому из нас не дано до конца отгадать.

В суровом своем военном отрочестве он прошел главные в жизни каждого человека университеты — университеты труда, научился ценить трудовой рубль, понял цену заработанному куску хлеба. Рядом с ним на заводе были его ровесники — в замасленных тужурках, худые, полуголые, с не по-детски серьезными глазами. Не отсюда ли, из нелегкого своего военного далека, принес он в искусство то, о чем сегодня так много говорят и пишут, — высокую человечность и ответственность?

Он живет многотрудной, спокойной жизнью талантливого человека. И с достоинством встречает ее нередкие удары.

К своей популярности относится с доброй иронией. Как-то сказал:

— Популярность... Что ж? Пусть себе идет где-нибудь рядом, если уж ей так хочется. Не впереди, чтоб не заслоняла свет божий, а — рядом. И чтоб не шестела особенно.

О трудностях говорить не любит. Лишь однажды обмолвился:

— Трудности всегда естественны, если ты честен.

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне знакомство, многолетнюю работу и дружбу с этим удивительно талантливым и обаятельным человеком. Уж не помню, кто заметил: «У нас есть свой кассационный суд — это будущее. Счастлив тот, кто может предстать перед ним». Евгений Александрович Евстигнеев может предстать перед этим судом.